

Война как отрицательное откровение: Грааль М. Пришвина и С. Булгакова

Елена Ю. Кнорре

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия;

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, Lena12pk@yandex.ru*

Аннотация. В статье впервые сопоставляется философия войны Михаила Пришвина и о. Сергея Булгакова на материале военных дневников Пришвина 1914–1941 гг. и работ С. Булгакова, посвященных софиологии страдания («Святой Грааль» (1932), «Размышления о войне» (1940) и др.). Определяются богословские контексты военной темы: война как отрицательное откровение, софийность войны, обнаружение истины Богочеловечества на войне. Сопоставляется мистика «невидимой церкви» М. Пришвина и С. Булгакова. Делается вывод о том, что софиология страдания С. Булгакова может рассматриваться как один из релевантных контекстов для философии и богословия войны в дневниках Пришвина. Пришвин, как и Булгаков, описывает открывшуюся в крестной жертве военной Голгофы правду сверхличного коллектива (образы «мирской чаши», ростка «невидимой церкви», «великого Собора живых»). Вместе с тем, определяя духовный смысл войны, Пришвин ставит вопрос о преодолении войны как идеи, рожденной безучастным, теоретическим мышлением, отрицающим личное целое, интуицию «другого».

Ключевые слова: М. Пришвин, В. Соловьев, прот. С. Булгаков, теология войны, софийность войны, отрицательное откровение, философия, литература

Для цитирования: Кнорре Е.Ю. Война как отрицательное откровение: Грааль М. Пришвина и С. Булгакова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 4. С. 44–60. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-44-60

War as a negative revelation. The Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov

Elena Yu. Knorre

*Russian Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature,
Moscow, Russia;*

*Orthodox St. Tikhon University for the Humanities,
Moscow, Russia, Lena12pk@yandex.ru*

Abstract. For the first time in Russian science the article compares Mikhail Prishvin's philosophy of war and archpriest Sergei Bulgakov's theology of war on the material of Prishvin's war diaries of 1914–1941 and S. Bulgakov's works devoted to the sophiology of suffering ("The Holy Grail" (1932), "Reflections on War" (1940), etc.). The article defines theological contexts of the military theme: the war as a negative revelation, the sophistry of war, the discovery of the truth of God-manhood in war. The mysticism of the "invisible church" of M. Prishvin and S. Bulgakov is compared. It is concluded that the sophiology of S. Bulgakov's suffering can be regarded as one of the relevant contexts for the philosophy and theology of war in Prishvin's diaries. Prishvin, like Bulgakov, describes the truth of the super-personal collective, revealed in the cross sacrifice of the war Calvary (the images of the "Lay Chalice", the sprout of the "invisible church", "the great Conciliarity of those alive"). Along with that, defining the spiritual meaning of war, Prishvin raises the question about overcoming war as an idea born of indifferent theoretical thinking, which denies the personal whole, the intuition of the "other".

Keywords: M. Prishvin, V. Soloviev, Archpr. S. Bulgakov, theology of war, the sophistry of war, negative revelation, philosophy, literature

For citation: Knorre, E.Yu. (2021), "War as a negative revelation: The Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 44–60, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-4-44-60

Введение

Философия войны и мира – источник ключевых тем и сюжетов дневника и художественного творчества М.М. Пришвина. В дневниковой записи от 6 апреля 1915 г. Пришвин описывает замыслы будущих произведений, среди которых и «Книга войны»¹. Продол-

¹ *Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указат. имен Т.Н. Бедняковой, Е.В. Михайлова. СПб.: Росток, 2007. С. 172.*

жая эту мысль, 12 апреля он напишет: «Война как момент творчества жизни: это проследить в личности»². Дневниковые записи и произведения, составленные по мотивам дневника, становятся метатекстом этой ненаписанной книги, воплотив ее замысел и авторскую установку.

К изучению мифопоэтики Пришвина периода Первой мировой и Гражданской войн обращались в своих исследованиях И.Г. Новоселова [Новоселова 2004, с. 18–75], Е.М. Криволапова [Криволапова 2013], Е.Ю. Константинова [Константинова 2014], А.М. Подоксенов [Подоксенов 2014], Е.Ю. Кнорре [Кнорре 2016], Н.В. Борисова [Борисова 2018] и др., однако концептуализация войны в творчестве Пришвина в данном направлении исследования специально не рассматривалась. Реконструкции философии войны в дневниках М. Пришвина посвящена вторая глава в диссертации Е.Ю. Кнорре «Сюжет “пути в Невидимый град” в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.» [Кнорре 2019, с. 79–27], где размышления писателя о войне включены в контекст дискуссий о «государстве» и «церкви» в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. Социально-политическая проблематика войны и революции в дневниках М. Пришвина определяется в сюжетном поле религиозно-философского мифа о Невидимом граде, источниками которого является платоновский и соловьевский софийный миф о проявлении в раздробленном мире путей к богочеловеческому единству. Как и Ф.А. Степун³, И.Г. Эренбург⁴, Пришвин воспринимает войну экзистенциально, вне патристической риторики тыла. Вместе с тем писатель выстраивает своеобразную метафизику войны: война осмысливается как испытание, открывающее путь к утраченной и закрытой теперь по грехам правде всечеловеческого единства, символом которой в дневнике писателя становятся образы Невидимого града, «невидимой церкви».

² Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. С. 173.

³ См. подробнее о военных дневниках Ф. Степуна в статье А.В. Михайловского: [Михайловский 2015, с. 106–111].

⁴ Характеризуя литературу военного времени, В. Полонский пишет о семантической доминанте, сущность которой – «экзистенциализация *сакрального*, его одомашнивание, рожденное тем, что Илья Эренбург в книге «Лик войны» назвал «новым бытом и новым уютом на лобном месте». <...> Обыденность жертвенного крестоношения, прирученность смерти знаменуют путь к обретению абсолютной свободы на глубине последнего самоотречения – ужас происходящего парадоксально чреват именно этим» [Полонский 2014, с. 705].

В изображении войны как времени, открывающем сокрытое в повседневности единство мира, можно увидеть и аллюзии к софиологии войны в трудах С. Булгакова. В предлагаемом исследовании мы предпримем попытку сопоставить софиологию страдания С. Булгакова и голгофскую тему в философии войны М. Пришвина как релевантные контексты восприятия Первой мировой войны, Гражданской и Второй мировой войны.

Сюжет спасения в философии войны М. Пришвина

Тема спасения на войне в голгофском преображающем страдании объединяет дневники Пришвина периода Первой мировой войны, Гражданской и Второй мировой войн. Наблюдая войну как событие истории, Пришвин размышляет о смысле и значении войны, проявлении в самих событиях исторической жизни символов другой реальности:

Дух неизменный и вечный, что перед ним все исторические события, но все-таки война что-нибудь значит <...> (Гауптман: простреленная грудь – разрушенный храм)⁵.

Непосредственному изображению войны посвящены дневниковые записи 1915–1916 годов, которые представляют собой дневник военного корреспондента, сделанный во время двух поездок на фронт: с 24 сентября по 18 октября 1914 г., с 15 февраля по 15 марта 1915 г. Дневниковые заметки становятся основой и двух газетных очерков: «На братскую линию» (1914), «Отзвуки боя» (1915). Опыт путешествия отражен также и в очерке «В Августовских лесах (Отзвуки войны)» (1915), а также в оформившемся позже цикле очерков «Слепая Голгофа».

Образ войны как загадки, смысл которой нужно понять, становится лейтмотивом размышлений автора в различных эпизодах дневника. Пришвин создает свою онтологическую трактовку войны как повседневного состояния мира, сопоставляет видимую войну как факт политической реальности и войну невидимую, повседневную, которую понимает как разделенность и раздробленность в сознании людей, не видящих мира как целого: «Мне

⁵ Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. С. 97.

казалось этой ночью, что всегда была и есть война во всякой повседневности, только невидная»⁶.

В дневниках 1915 г. Пришвин осмысляет войну как дело жизни и смерти, поглощающее целиком человека. Символично и сравнение в этом контексте войны с родами: на войне человек пере рождается, искупает грех нечувствия, отсутствия сострадания, рационального, прагматичного восприятия мира («расширение души после греха»⁷). Пришвин обращается к образу «завесы бытия» («стены годов»⁸), символическому соответствию покрывала Изиды в трудах С. Булгакова, ткань которого скрывает подлинный мир – Софию, невидимую церковь богочеловечества. Тема человеческого греха как «завесы», заслоняющей Божий мир⁹, где человек ощущает родство с людьми и природой, – ключевой лейтмотив военных дневников писателя. Тропой, открывающей человечеству Невидимый Божий град, становится подвиг причастия всей полноте жизни, ощущение себя частью вселенной как единой большой семьи (невидимой «истинной земли»). В последней записи дневника 1914 года Пришвин размышляет о страдании как христианском пути спасения человека через смирение воли и внимание к «другому» – к подробностям повседневной жизни людей и природы. В дневниках 1914 г. Пришвин пишет о смирении человека, открывающего присутствие рядом «Божьих цветов», мира как единой семьи:

⁶ Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. С. 473.

⁷ Пришвин М.М. Дневники: 1914–1917 гг. С. 138.

⁸ Образ завесы и его соответствия в дневниках Пришвина 1900–1930 годов («стена годов», «ширма войны», «кровавая завеса» мира и пр.) в мифоязыке Пришвина есть символическое обозначение стены Невидимого града – стены времени и пространства, за которой соприкасается Вечный мир, Невидимый град Божий, по грехам сокрытый, см. подробнее: [Кнорре 2019].

⁹ См. Д. Мережковский о понятии мира Божия: «Отвлеченная идея человечества впервые воплощается в церкви вселенской, и “Римский мир” становится миром Божиим – рах Dei» (Мережковский Д. О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. С. 17).

...весь мир одна семья, стоит только заговорить по-человечески.
<...> Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет¹⁰.

Катастрофа войны в дневниках М. Пришвина становится, как и позже у С. Булгакова, испытанием человека, проявляющем в нем новое знание – открывающее для него Божий мир. Война изображается не только как внешняя стихия, пространство смерти, которое подавляет («она меня давит, я беспомощен... Даже в трущобе лесной в Рождество нельзя укрыться от войны»¹¹). Путь преодоления войны осмысливается в оптике христианского персонализма как действие метаноии, религиозного обращения личности: от смятенного малого «я», страдающего и переживающего ужас утраты, к рождению нового человека на войне, сострадающего другому, видящего себя как часть общего со всеми мира.

Война изображается Пришвиным как драма человеческого пути от мнимой реальности, мира отчужденных механических взаимодействий к реальности как миру, внутренне соединенному живыми связями сопереживания («весь мир как одна семья»). Путь к подлинной реальности сокрытого за завесой греха Невидимого града – всечеловеческого единства, изображен в сюжете прозрения «нового в очевидном»¹². В дневниках Первой мировой войны неподлинный мир, мнимый изображается через метафору «ширмы войны». Это мир вытесняющих друг друга взаимодействий людей, когда «люди пытаются и... не могут убить друг друга»¹³. Символично переживание пространства войны в движении от рефлексирующего тыла к братской линии: путь от рефлексии к братскому ощущению мира изображается как переход границы – открытие «завесы бытия»¹⁴. Война проявляет особую духовную связь всех людей – «невидимую церковь» живых и мертвых, всех существ в космосе. Образы сострадания людей и зверей (микросюжет о прапорщике, отказавшемся застрелить раненую лошадь, которая взглянула на него «человечьими глазами»¹⁵), братского

¹⁰ *Пришвин М.М.* Дневники: 1914–1917 гг. С. 10.

¹¹ Там же. С. 124, 126.

¹² Там же. С. 139.

¹³ *Пришвин М.М.* Дневники: 1918–1919 гг. / Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 80.

¹⁴ *Пришвин М.М.* Дневники: 1914–1917 гг. С. 580.

¹⁵ *Пришвин М.М.* Указ. соч. С. 151. См. также о «взгляде лошади» в статье А.В. Михайловского о военных дневниках Ф. Степуна: «Сопротивление тотальной технизации мира, последние следы нравственного отношения к бытию – вот что открывается ему во взоре лошади, “которого никогда не забыть”» [Михайловский 2015, с. 108].

единения людей на войне (пир на полянке; избушка, где старушка приветает каждого – и русских, и австрийцев) в художественном пространстве Пришвина ассоциируются с образом Божьего мира – вселенной как общего дома, всечеловеческого единства.

Эсхатологическое измерение войны воплощается в хронотопе Страстной Седмицы. Время войны вмещается в символическое пространство трех дней – восхождения на Голгофу, смерти и Воскресения Христа: «мне казалось, что люди взбирались все выше и выше на неприступную гору»¹⁶. Кульминацией пути военного корреспондента становится разговор с ксендзом, где выявляется пасхальный, преображающий смысл объединяющего людей страдания, когда «мукой искупались муки других»: «Священник слушал меня и вдруг воскликнул:

– Да ведь это же: “Смертию смерть поправ!”»¹⁷.

Слова пасхального тропаря «Смертию смерть поправ!» объединяют события Голгофы и Воскресения. Образ разрушения храма души, когда война повергает человека в смятение, получает завершающую рифму в образе созидания храма в три дня – символа восстановления духовного мира, воскрешения души в сострадании людей друг к другу.

Пришвин видит провиденциальный смысл войны в разрушении «наивного эгоизма»¹⁸ государств, затевающих войны ради новой территории и сфер влияния. Война открывает путь искупления греха эгоизма. Сострадание («мукой за муку»¹⁹) творит новый мир, рождает в человеке бессмертную личность, обращенную с сочувствием к каждому живому существу. В дневниках 1921 г. путь личности к новому миру определяется как воскресение в «Мы»:

...гибель Я сознательного (малого разумного) предопределена, и у Христа она возводится в сознание (смертию смерть): сознательная смерть для спасения души и воскресения. Эта смерть (страдание) и есть единств<енный> путь выхода сознат<ельного> из себя²⁰.

Тема голгофского страдания, открывающего невидимую связь всех живых существ, звучит и в дневниках периода Гражданской

¹⁶ Пришвин М.М. Дневники 1914–1917 гг. С. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 173.

²⁰ Пришвин М.М. Дневники: Книга третья. Дневники: 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указатель имен Е.В. Михайлова. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 190.

войны: это время переживается как испытание, личная Голгофа, сходжение во ад, открывающее «истинную землю» – мир, внутренне связанный «нитьями» сострадания. Мотив откровения на войне звучит, как и ранее, в сюжете о прояснении «завесы бытия», на которой начертан лик врага.

Дневниковый покаянный сюжет обретает рифму в повести «Мирская чаша» (1922), главный герой которой – учитель Алпатов – переживает во время войны откровение единства мира. Как и альтер эго автора в дневнике, преодолевший завесу бунта и мщения, Алпатов принимает «чашу мира» сего – во время Гражданской войны, разделяющей общую землю на «своих» и «чужих», учит детей видеть мир в свете родственного внимания. Обучая детей краеведению²¹, учитель Алпатов проявляет посреди ада войны райский мир «вечных имен».

Пришвин противопоставляет два облика мира через символическое сопоставление двух «сосудов»: кипящий чан «черного передела» земли русской, символ «войны всех против всех»²² и «мирскую чашу»²³ искупления – «мир», который открывает новый человек (Адам) в свете родственного внимания «любви различающей». Символический смысл образа «мирской чаши» раскрывается в сопоставлении с образом св. Грааля в философии С. Булгакова:

И весь мир есть эта Чаша Святого Грааля... он сокрыт в мире от мира... он существует в нем как невидимая сила, и он становится видимым, является чистым сердцам, того достойным²⁴.

В дневниках и повести Пришвина мирская чаша символизирует священную плоть мира – «коммуну-собор»²⁵, братство во Христе всех зверей и людей. Это невидимый Божий град, про-

²¹ См. подробнее о метафизике краеведения в творчестве М. Пришвина: [Кнорре 2018, с. 31–40].

²² Ср.: *Булгаков С.Н., прот.* Размышления о войне // Булгаков С.Н., прот. Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., сост., вступ. ст. архим. Савва (Мажуко). М.: Никея, 2021. С. 268.

²³ Образ мирской чаши появляется во сне одного из героев повести, Савина: «...тучи закрыли небо души. Но в эту ночь завеса открылась, и свою собственную душу увидел спящий, как чашу; из нее пили, ели и называли эту душу МИРСКОЮ ЧАШЕЙ» (*Пришвин М.М.* Цвет и крест. С. 421).

²⁴ *Булгаков С.Н., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания. С. 15.

²⁵ В повести «Мирская чаша» Пришвин противопоставляет два типа объединения – коммуну-легион и коммуну-собор.

растающий сквозь «толщу» разделенной земли в образе «невидимой церкви»²⁶.

* * *

Эсхатологическое прочтение войны как поля духовного испытания человека, открывающее «истинный мир» как Богочеловеческое единство, невидимую церковь, можно увидеть и в дневниках М. Пришвина периода Второй мировой войны. В сказке-были Пришвина «Кладовая солнца» (1945) тема повседневной войны представлена как «правда вековой суровой борьбы людей за любовь»²⁷. Война – наказание, открывающее забытую правду всечеловеческого единства. В дневниках 1941 г. Пришвин пишет, что сама идея «большой войны» появляется вследствие забвения личности в рациональной идее вычисления «Среднего Должного». Пришвин вновь обращается к идее «воскрешения из числа», противопоставляя логику математическую, разделяющую людей, интуиции родственного внимания, в свете которого мир видится как «одна семья».

2 августа 1941 г. Пришвин размышляет об истинном виновнике войны и находит его, как и прежде, в теоретическом, пропускающем «живую личность» мышлении:

Ужасная идея «большой войны» заключалась в том, чтобы миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира... Ужасная идея рождалась не как рождается вся жизнь на земле, в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции²⁸.

Как и в повести «Мирская чаша», «воскрешение из числа»²⁹ обретается в деятельности различения. Образам невидимой церкви, мистической чаши здесь соответствует образ открывшегося в огне катастрофы «великого Собора живых»³⁰.

²⁶ Пришвин М.М. Дневники: 1918–1919 гг. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 122.

²⁷ Пришвин М.М. Кладовая солнца // Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1983. С. 250.

²⁸ Пришвин М.М. Дневники: 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 534.

²⁹ Пришвин М.М. Цвет и крест. С. 374.

³⁰ Пришвин М.М. Дневники: 1940–1941. С. 535.

*Война как отрицательное откровение
в теодицее о. Сергия Булгакова*

Софиология войны и страдания подробно разворачивается в поздних работах о. Сергия Булгакова: «Софиология смерти» (1940-е), «Размышления о войне» (1940), «Христос в мире» (1940), записные книжки 1939–1942 гг.)³¹. В этот период, как отмечает А.П. Козырев,

...для Булгакова София, софиология дает возможность катастрофического богословия, которое свидетельствует о присутствии Божиим в мире [Козырев 2011, с. 235].

Образ Софии как откровения Бога в мире появляется уже в раннем творчестве С. Булгакова. К.М. Антонов констатирует, что «эта структура мысли работает уже в “Свете Невечернем”» [Антонов 2020, с. 398]. Н.А. Ваганова отмечает, что в работе С. Булгакова «Свет Невечерний» (1917), написанной в течение 1911–1916 гг., образ Софии соотносится с идеей теофании: «истончаются прежде непроницаемые “покровы Изиды”, скрывающие природу явлений» [Ваганова 2011, с. 301]; вместо «природы явлений» появляется образ софийной души мира, которая «закрыта многими покрывалами, как Саисская богиня, причем эти покрывала сами собой истончаются по мере духовного восхождения человечества» [Ваганова 2011, с. 301]. Ваганова выделяет несколько определений Софии в работах «Философия хозяйствования» и «Свет Невечерний»: «человечество историческое (София эмпирическая)», «единая сущность, идеальное человечество», «идеальный космос», «предвечные идеи» (Философия хозяйства, 1912); София – это

...душа мира, тело Христово, Церковь, идеальная душа твари, всеединое, универсальная связь мира, идеальный умопостигаемый космос, божественная Плерома, Великая Матерь, Богоземля, откровение Бога в мире, живое откровение Божества, Св. Троица в мире («Свет Невечерний» 1917) [Ваганова 2011, с. 306].

О связи Бога и мира в раннем творчестве С. Булгакова А.И. Резниченко пишет следующее: «В “Свете Невечернем” тема взаимоотношения Бога и мира едва только намечается указанием на мировое “есть”, ЕСИ как акт полагания мира Богом и обнаружения мира в

³¹ См.: *Булгаков С.Н., прот.* Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., сост., вступ. статья архим. Савва (Мажуко). М.: Никея, 2021.

Боге» [Резниченко 2012, с. 40]. При этом «феноменальный мир (как хаос) есть становящийся Космос, софийный по своей сущности, но несофийный по состоянию» [Резниченко 2012, с. 56].

Тема проявления в «несофийном по состоянию» мире [Резниченко 2012, с. 56] Божественного начала звучит и в «Размышлениях о войне» (1940), где Булгаков предлагает своеобразную апологию войны как отрицательного откровения Софии. Война представляется как «путь ософииения твари», ставится вопрос о «софиодичее войны». В «Размышлениях о войне» проявляются основы теодицеи С. Булгакова и его софиологии страдания, черты которой описаны в работе «Святой Грааль» (1932). Война на земле есть продолжение, следствие войны на небе – «священной войны» со злом:

Можно ли не хотеть преодоления войны? Праздный вопрос. <...> Во всяком случае, не о буржуазно-себялюбивом преодолении войны говорится в Слове, но о непримиримости ко злу. Она выражается в нещадной борьбе даже в небе, в которой и ангелы *не возлюбили души своей даже до смерти* (Откр. 12:11), являя собой образ священной войны³².

Первоисточником войны является первородный грех: «Жизнь мираотягчена смертностью, которая есть последствие первородного греха. В этом и заключается первоисточник войны, ненависти и зла»³³. Священная война в небесах и ее отражение на земле – это путь преодоления греха, борьба «за активную творческую заданность»:

Нетворческая пассивность и здесь не может иметь места, ибо она не соответствует закону софийности творения, причем этот закон имеет равную силу на небе и на земле. И если не будет войны в прямом смысле, то остается война с собой, в себе и за себя, т. е. с пассивностью нетворческой за активную, творческую заданность. Такое значение имеет война в небесах. В связи с этим раскрывается смысл ее и на земле, – и даже не в В.-Заветной церкви, но в христианской. Война может быть путем, вернее, одним из путей ософииения твари³⁴.

Война, по Булгакову, – это «историческая катастрофа, разбивающая привычный уклад жизни, взрывающая застывшую кору,

³² Булгаков С.Н., *прот.* Размышления о войне. С. 231.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 288. См. также об идее невидимой войны: [Кнорре Б. 2015].

из-под которой течет расплавленная лава»³⁵. Признавая зверство войны, Булгаков утверждает ее спасительный смысл. В момент потрясения человечество проявляет «энтузиазм жертвенности», ощущает вновь забытое единство – откровение тварной Софии:

Человек невольно освобождается от обычной обмирщенности. В нем пробуждается орган софийности, чувство божественного в мире и в истории. В душе начинает звучать торжественный звон вечности. Конечно, это чувство Бога борется и смешивается с ревом звериного царства. Война есть организованное зверство, по крайней мере, столько же, сколько и энтузиазм жертвенности. Но и софийность как откровение тварной Софии в истории есть такое же противоборство света и тьмы³⁶.

Однако не сама война, как пишет Булгаков, «есть откровение Премудрости Божией, но в ней и чрез нее в человеке она начертывает свои письмена»³⁷. Катастрофа военного времени открывает в мире разрозненных индивидуалистических волей сверхличное целое. Булгаков противопоставляет атомизирующему индивидуализму духовный организм, сверхиндивидуальное начало, целое, которое проявляется во время войны:

Эта спайка является проводником той общей связи, которая вносит сверхиндивидуальное начало в личные судьбы. Такова и война, которая есть явление в высшей степени социальное, не только объединяющее, но в известной степени и поглощающее начала личного действия. <...> Отсюда и проистекает вся немощь рационалистического и индивидуалистического пасифизма, который не ведает сил целого. Недаром такое целое в апокалиптике неизменно описывается чертами живого существа, духовного организма³⁸.

Сверхличное целое, открывающееся на войне, есть, по Булгакову, «невидимая церковь» – со-страждущий людям Христос, «святой Грааль человеческой общественности»³⁹. Эта невидимая церковь включает все спасенное человечество и природу. Откровение Святого Грааля во время войны есть начало общечеловеческого

³⁵ Булгаков С.Н., *прот.* Размышления о войне. С. 300.

³⁶ Там же. С. 311–312.

³⁷ Там же. С. 312.

³⁸ Там же. С. 304–305.

³⁹ Булгаков С.Н., *прот.* Святой Грааль // Булгаков Сергей, протоиерей. Чаша Грааля. Софиология страдания. С. 43.

свершения, «работы спасения» – предвестие будущего Тысячелетнего царства праведников:

В человечестве загорается идея общечеловеческого свершения, «общего дела»⁴⁰, «прогресса», Града Божия на земле, который отнюдь не находится в противоречии идее Небесного Иерусалима, напротив, есть для него земное «место», исторический коррелят для эсхатологии⁴¹.

Не сама война является путем к Граду Божию, а открывающаяся на войне правда борьбы добра со злом.

Настоящая война коренится в глубинах греха человека и является в разных формах и в мирное время. Путь преодоления войны – это победа над злом в душе человека, его раскаяние в своем равнодушии и жестокости. Софийный смысл войны у Булгакова включает понятие духовной победы: это не победа над внешним врагом, но преодоление внутреннего врага – победа звериного начала через сострадание. Как и в дневниках Пришвина, путь к подлинному миру («миру») лежит в особом аскетическом труде человека, преодолевающем ненависть к врагу. Война побеждается «не железом, но силою духа»⁴². Подлинная победа зла возможна лишь через сораспятие Христу – через Голгофу преображающего и объединяющего людей сострадания друг другу.

Заключение

Проведенное сопоставление позволяет выделить общие философско-богословские контексты военной темы в творчестве прот. С. Булгакова и М. Пришвина. В дневниках М. Пришвина периода Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн можно реконструировать своеобразную философию войны, сближающую его, с одной стороны, с критикой милитаризма у Д. Мережковского и А. Мейера, с другой – с теологией войны в трудах С. Булгакова, посвященных софиологии страдания (война как отрицательное откровение, софийность войны, обнаружение истины Богочеловечества на войне). Оба мыслителя выявляют эсхатологическое измерение войны: за видимой войной как явлением истории скры-

⁴⁰ См. подробнее об идее войны и концепции общего дела в философии Н. Федорова: [Гачева 2016, с. 44–62].

⁴¹ Булгаков С.Н., прот. Святой Грааль. С. 44.

⁴² Булгаков С.Н., прот. Размышления о войне. С. 232.

вается невидимая война с врагом рода человеческого. Война у Булгакова становится отрицательным откровением – это катастрофа, взрывающая кору ложного мира, который держится равновесием «корысти и страха», и открывающая подлинный мир как Богочеловеческое единство, «св. Грааль человеческой общности». Как и для Булгакова, провиденциальный смысл войны у Пришвина заключается в обнаружении родственной связи существ в мире – забытого по грехам чувства всеединства. Пришвин, как и Булгаков, описывает открывшуюся в крестной жертве военной Голгофы правду сверхличного коллектива, св. Грааль, символические соответствия которого в мифопоэтике Пришвина – «собор» лиц, «мирская чаша», росток «невидимой церкви», «великий Собор живых».

Источники

Булгаков С.Н., прот. Чаша Грааля. Софиология страдания / Ред., сост., вступ. ст. архим. Савва (Мажуко). М.: Никея, 2021. 384 с.

Мережковский Д. О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. 656 с.

Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8 (дневники 1905–1954 гг.). М., 1986.

Пришвин М.М. Дневники: 1918–1919 гг. / Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1994. 380 с.

Пришвин М.М. Дневники: Книга третья. Дневники: 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина; Указ. имен Е.В. Михайлова. М.: Моск. рабочий, 1995. 336 с.

Пришвин М.М. Цвет и крест. Незвестные произведения 1906–1924 годов / Сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917 / Подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной, [В.Ю. Гришина]; Указ. имен Т.Н. Бедняковой, Е.В. Михайлова. СПб.: Росток, 2007. 608 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. 813 с.

Литература

Антонов 2020 – *Антонов К.М.* «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 608 с.

- Борисова 2018 – *Борисова Н.В.* «Безнадежно... висим над бездною». Революционная повседневность 1918 года в дневнике М.М. Пришвина // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 15–28.
- Ваганова 2011 – *Ваганова Н.А.* Софиология протоиерея Сергея Булгакова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 464 с.
- Гачева 2016 – *Гачева А.Г.* «Почему мир не мир?» Образ войны в философии русского космизма // Соловьёвские исследования. Вып. 1 (49). 2016. С. 44–62.
- Козырев 2011 – *Козырев А.П.* Софиология о. Сергея Булгакова: «теологема» или «философема»? // Философия религии: Альманах. 2010–2011. М., 2011. С. 226–240.
- Константинова 2014 – *Константинова Е.Ю. (Кнорре)* Первая мировая война в дневниках М.М. Пришвина 1914–1917 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 851–856.
- Кнорре 2015 – *Кнорре Б.К.* «Богословие войны» в постсоветском российском православии // Академический богословский журнал «Страницы: богословие, культура, образование». 2015. Т. 19. № 4. С. 559–578.
- Кнорре 2018 – *Кнорре (Константинова) Е.* Метафизика краеведения: «путь к новой земле» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина в контексте религиозно-философских исканий китежан 1910–1920-х гг. (А. Мейера, С. Дурылина, П. Флоренского, А. Ухтомского, Н. Анциферова) // Русская словесность. 2018. № 3. С. 31–40.
- Кнорре 2019 – *Кнорре Е.Ю.* Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01 – Русская литература. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 295 с.
- Криволапова 2013 – *Криволапова Е.М.* Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2013. 533 с.
- Михайловский 2015 – *Михайловский А.В.* Два литературных свидетельства о Великой войне // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 106–111.
- Новоселова 2004 – *Новоселова И.Г.* «Дневники» М.М. Пришвина: духовный космос. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 216 с.
- Полонский 2014 – *Полонский В.В.* «Уют на лобном месте»: Первая мировая война в поэтико-идеологических отражениях литературы русского модернизма // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 703–712.
- Подоксенов 2014 – *Подоксенов А.М.* Библейские мотивы в повести «Мирская чаша» и дневнике М.М. Пришвина [Электронный ресурс] // Credo New. 2014. № 2 (78). URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2014/24578-bibleyskie-motivy-v-povesti-mirskaya-chasha-i-dnevnik-mm-prishvina.html (дата обращения 10 октября 2021).

- Резниченко 2012 – *Резниченко А.И.* О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: ПЕТРУМ, 2012. 426 с.
- Knorre 2016 – *Knorre E.Yu.* The Ideal of Brotherhood in M.M. Prishvin's Diaries and Fiction Created in 1914–1923 // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2016. № 5. P. 1116–1128.

References

- Antonov, K.M. (2020), “*Kak vozmozhna religiya?*”: *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX–XX vekov* [“How is Religion Possible?”: Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th–20th centuries], in 2 parts, part 1, Izd. PSTGU, Moscow, Russia.
- Borisova, N.V. (2018), “‘Hopelessly ... hanging over the abyss’. The revolutionary everyday life of 1918 in the diary of M.M. Prishvina”, *Istoriya: fakty i simvoly*, no. 3 (16), pp. 15–28.
- Gacheva, A.G. (2016), “‘Why the world is not the peace?’ The image of war in the philosophy of Russian cosmism”, *Solovyov studies*, iss. 1 (49), pp. 44–62.
- Konstantinova (Knorre), E.Yu. (2014), “The First World War in the diaries of M.M. Prishvin 1914–1917”, in Polonsky, V.V. (ed.), *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny: Publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and poetics. Russian literature in the historical and cultural context of the First World War. Publications, research and materials], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 851–856.
- Knorre, B.K. (2015), “‘Theology of War’ in Post-Soviet Russian Orthodoxy”, *Pages: Theology, Culture, Education, Academic theological journal*, vol. 19, no. 4, pp. 559–578.
- Knorre, E.Yu. (2016), “The Ideal of Brotherhood in M.M. Prishvin's Diaries and Fiction Created in 1914–1923”, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 9 (5), p. 1116–1128.
- Knorre (Konstantinova), E. (2018), “Metaphysics of local lore. ‘The path to a new land’ in the diaries and works of art by M. Prishvin in the context of the religious and philosophical searches of the Kitezhans of the 1910–1920s” (A. Meyer, S. Durylin, P. Florensky, A. Ukhtomsky, N. Antsiferova)”, *Russian Literature*, no. 3, pp. 31–40.
- Knorre, E.Yu. (2019), “The plot of the ‘path to the Invisible City’ in the works by M.M. Prishvin 1900–1930s”, Ph.D. Thesis (Philology), Speciality 10.01.01 – Russian Literature, Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russia.
- Kozyrev, A.P. (2011), “Sophiology about. Sergius Bulgakov. ‘Theologeme’ or ‘philosopheme’?”, *Philosophy of Religion: Almanac*, 2010–2011, pp. 226–240.
- Krivolapova, E.M. (2013), “The genre of the diary in the legacy of the writers of the circle of V.V. Rozanov at the turn of the 19th – 20th centuries”, Dr. Sci. Thesis (Philology), Moskovskii gos. obl. universitet, Moscow, Russia.

- Mikhailovskii, A.V. (2015), "Two literary evidences of the Great War", *Voprosy Filosofii*, no. 10, pp. 106–111.
- Novoselova, I.G. (2004), "*Dnevnik*" M.M. Prishvina: *dukhovnyi kosmos* ["Diaries" by M.M. Prishvin. Spiritual Cosmos], Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, Vladivostok, Russia.
- Polonsky, V.V. (2014), "'Comfort on the Place of a skull (Place of execution in Moscow)': The First World War in the poetical and ideological reflections of the literature of Russian modernism", in Polonsky, V.V. (ed.), *Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First World War. Publications, research and materials*, IMLLI RAS, Moscow, Russia, pp. 703–712.
- Podoksenov, A.M. (2014), "Biblical motives in the story 'The lay chalice' and in the diary of M.M. Prishvin", *Credo New*, no. 2 (78), available at: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2014/24578-bibleyskie-motivy-v-povesti-mirskaya-chasha-i-dnevnik-mm-prishvina.html (Accessed 10 October 2021).
- Reznichenko, A.I. (2012), *On the meanings of the names of Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores*, REGNUM, Moscow, Russia.
- Vaganova, N.A. (2011), *Sophiology of Archpriest Sergius Bulgakov*, Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Ю. Кнорре, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская ул., д. 25а;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, Лихов переулок, д. 6, стр. 1; Lena12pk@yandex.ru

Information about the author

Elena Yu. Knorre, Cand. of Sci. (Philology), senior research fellow, Russian Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Likhov Lane, Moscow, Russia, 127051; Lena12pk@yandex.ru